

Древняя одежда всегда вызывала пылкий интерес не только узких специалистов, но и представителей ряда других областей знаний. Этот интерес объясняется прежде всего многосторонними (непосредственными и опосредованными) взаимосвязями и той ролью, которую она играет в системе культуры. Эволюция одежды отражала пути развития культурных традиций, народной этики и морали, этнических обычаев и социальной психологии. Параллельное и одновременное рассмотрение одежды различных народов на протяжении значительного промежутка времени позволяет не только более полно выявить многообразие этнических культур, но и проследить исторические закономерности в общем контексте человеческой цивилизации.

В сравнительно немногочисленных публикациях по древней одежде последняя рассматривалась чаще всего в ограниченных стадийных и этнотерриториальных рамках, причем предметное содержание этих работ в силу разных подходов и структурной неоднородности слабо соотносилось друг с другом. Рассматриваемая монография — первый опыт обобщающего историко-этнографического исследования традиционной одежды народов Восточной Европы с древнейших времен до XIX в. В ней предпринята попытка «сплошного» комплексного исследования одежды с использованием всех видов источников. Опубликованная книга по сути дела продолжает серию подобных работ по материальной культуре, начало которой было положено выходом в свет «Древнего жилища народов Восточной Европы» (М., 1975).

Широкие временные и этногеографические параметры, масштабность и многоплановость исследования требовали солидной источниковедческой базы. В работе использованы многочисленные и разнообразные по типологии и предметному содержанию источники: археологические, нарративные, литературные, этнографические, изобразительные и др.; многие из них уникальны и требовали от исследователя специального прочтения и интерпретации. Степень значимости каждого из этих видов источников и их взаимное соотношение неодинаковы и заметно меняются в зависимости от рассматриваемого исторического периода и этнической принадлежности вещей. Это обстоятельство не могло не отразиться на внутренней структуре и содержании отдельных глав. Текстовое их содержание построено по единому плану и включает системное рассмотрение историографии и источников, материалов, компонентов (частей) мужской и женской одежды, характеристики верхней одежды, головных уборов, обуви, орнамента и способов украшения, реконструкцию социально значимых комплексов. Единая структура открывает широкие возможности для сопоставлений и сравнительно-типологического анализа, что дает исключительно ценный фактический материал для историко-этнографических атласов. В работе проводятся сравнительно-исторические параллели, выявлены общие и локальные черты в одежде многих народов, что позволяет сделать аргументированные выводы о генетических истоках ряда общеевропейских культурных явлений. Вместе с тем единая типологическая структура во всех главах до конца не выдерживается в силу неравномерной изученности одежды и ограниченности источниковедческой базы. Добавим, что параллельное рассмотрение древней одежды разных народов, обладающих различными культурными традициями, к тому же не всегда позволяет выявить типологическое соответствие отдельных компонентов и частей костюма. Несмотря на общие функции и идейно-эстетические истоки, одежду разных эпох и народов нельзя подвести под универсальную типологическую схему без того, чтобы в отдельных случаях не оказались утраченными этническая специфика и уникальность конкретного материала. При классификации и всестороннем анализе одежды во всей ее совокупности мы неизбежно наталкиваемся на многообразие типологических схем, отражающих экономические условия, исторический период, этническую традицию, социальную принадлежность, влияющие в свою очередь на выбор материалов, конструкцию, отдельные части и целые комплексы одежды, на их сезонный и ситуативно-бытовой характер, утилитарные и обрядовые функции. В процессе систематического исследования различные значимые признаки неодинаково распределяются по этническим комплексам, что, естественно, усложняет их сравнительно-типологический анализ во времени и в пространстве.

Работа построена по хронологическому и этнотерриториальному принципу, состоит из введения, 11 глав и заключения. Во введении дано краткое обоснование проблемы, рассмотрены ее состояние и значимость в системе развивающихся научных направлений, а также методология и источниковедческая база исследования.

Первая глава посвящена одежде народов, оставивших яркий след в истории Восточной Европы, — скифов, сарматов, гето-даков. Здесь впервые суммируются все известные сведения об одежде этих народов. В методологическом отношении глава представляется весьма важной, ибо не только вводит нас в мир древнейшей одежды, но и определяет исходные позиции, дает ценный сравнительный материал, по которому мы сверяем более поздние культурные напластования, проводим исторические параллели. Критическое освоение разнообразных источников позволило автору (Э. А. Рикман) воссоздать не только отдельные части, но и целый комплекс древней скифской одежды. Однако сведения о древней одежде по-прежнему остаются фрагментарными, и полный ансамбль ее, как замечает автор, не поддается выявлению.

Еще более ограниченными сведениями мы располагаем по одежде восточных славян (VI—IX вв.), которая освещается во второй главе книги. Обряд трупосожжения, бытовавший во второй половине I — начале II тыс. на территории расселения славянских и балтских народов, обусловил плохую сохранность археологического материала, который служит наиболее достоверным (а подчас и единственным) источником по изучению древнейшей одежды. Исследование восточнославянской одежды уже в том виде, как оно представлено в работе, весьма ценно не только первой серьезной постановкой проблемы, но и решением ряда конкретных вопросов, позволивших высказать опреде-

ленные выводы и суждения о материалах, технике ткачества, основных частях костюма, атрибуции археологического материала и др. Детальный анализ украшений и металлических частей костюма позволил автору (В. В. Седов) сделать вывод о значительной подвижности древнего населения, этнокультурных контактах и связанной с ними «заметной однородности дружинной культуры».

Древнерусская одежда знаменует новый этап в развитии восточнославянской одежды, что подтверждает и содержание посвященной ей третьей главы. Изучение древнерусской одежды базируется на широкой источниковедческой основе: помимо археологических материалов к анализу привлечены памятники древнерусской литературы (так называемые «слова», жития, поучения, повести), летописи, акты, памятники средневекового права, фольклорные и иконографические источники. Автор (М. Г. Рабинович) не выделяет в особые структурные части мужскую и женскую одежду, а рассматривает ее в системе других типологических рубрик (одежда нательная, набедренная, верхняя), «незаметно» увязывая разнотипный материал в логически законченную систему. Универсальное знание этнографического и фольклорного материала позволило автору всесторонне интерпретировать многочисленные археологические находки, установить функции вещей и их связи с социальной действительностью, реальной бытовой обстановкой, духовными представлениями, обычаями, обрядами. При этом вводимый в научный оборот материал по одежде порою сам «на месте» становится ценным источником для выявления эпохальных явлений, обычаев, нравов, помогая глубже раскрыть различные стороны народной жизни. Автор предпринимает попытку широкой реконструкции комплексов древнерусской одежды, выделяя характерные черты и составные компоненты крестьянского, городского костюма и костюма высшей знати. Он выявляет, с одной стороны, устойчивые, консервативные, с другой — подвижные, динамичные элементы и признаки древнерусской одежды, устанавливает ареальные закономерности в бытовании отдельных типов. Выявленное регионально-типологическое многообразие одежды позволяет несколько шире взглянуть на этнические различия в Древнерусском государстве. Последовательное сравнительно-историческое (диахронное) изучение одежды дает основание говорить об устойчивой этнокультурной традиции, развитие которой носило непрерывный характер.

В последующих главах книги (IV—IX, XI) рассматривается древняя и средневековая одежда современных народов — русских (М. Г. Рабинович), украинцев (Н. М. Калашникова), белорусов (Н. Н. Улащик), литовцев (Р. К. Волкайте-Куликаускаене), латышей (А. Э. Зариня), эстонцев (С. К. Лаул), молдаван (В. С. Зеленчук, Н. М. Калашникова). Десятая глава посвящена архайским формам одежды финно-угорских народов — води и ижоры (Н. В. Шлыгина), что дополняет естественный этнокультурный фон Восточной Европы.

В каждой главе подводится итог изучения древней одежды того или иного народа, что является существенным вкладом в разработку проблем национальной одежды. Здесь не только систематизированы обширные сведения из ранее опубликованных работ, но и введены в научный обиход новые данные, почерпнутые из редких источников. Однако проблема взаимной увязки и комплексного использования этих источников в различных главах решается неоднозначно. Это вызвано не только неодинаковой источниковедческой базой, но и степенью освоенности разнотипного источникового материала. Пожалуй, наиболее полно и всесторонне этот материал освоен в четвертой главе, посвященной одежде русских, что позволило с большой степенью детализации осветить различные виды одежды, выделив в отдельные рубрики нательную, верхнюю комнатную, верхнюю уличную и зимнюю верхнюю одежду.

На основе обобщающего анализа автор выделяет и характеризует типичные комплекты одежды различных социальных слоев русского общества XIII—XVII вв. — крестьян, всех слоев горожан, военных и духовных лиц. При этом одежда каждого из них подразделяется в свою очередь на рабочую, повседневную (будничную) и парадную.

Недостаточная изученность древней одежды украинцев и белорусов определила ограничение периода ее рассмотрения XVI—XVIII вв. В историографическом обзоре соответствующих глав авторы освещают состояние проблемы, дают критическую оценку немногочисленным работам, отмечая целый ряд несоответствий, неправильных атрибуций и слабо аргументированных выводов. Подобные неточности и искажения встречаются весьма часто в опубликованной в начале 80-х годов работе Л. А. Молчановой, единственной специальной монографии по материальной культуре белорусов этого периода¹. Исследователями проведена большая серьезная работа по атрибуции материала, воссозданию и уточнению форм и конструкций различных типов старинной одежды, выявлению их вариативно-типологических особенностей и различий на территории Украины и Белоруссии. Содержание глав отличается последовательностью и четкая расстановка логически значимых акцентов. Накопленный в белорусской и, очевидно, в украинской археологии вещественный материал позволяет уже в настоящее время расширить базу исследования и рассмотреть одежду украинцев и белорусов в более раннее время.

В изучении древней одежды остается еще много «белых пятен», гипотез, проблем. Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы неравномерно освещают одежду простых тружеников и феодального класса, сельскую и городскую, повседневную и выходную, нарядную. Блеск металла в археологических находках иногда затеняет типичную картину и смещает акценты при реконструкции комплексов старинной одежды. Трудно согласиться с мнением Р. К. Волкайте-Куликаускаене, что мужчина в исследуемый период был в первую очередь воином «поэтому реконструируемая одежда — это прежде всего одежда воина» (с. 161). Широкая постановка проблемы в ее сравнительно-историческом плане обнаруживает несовпадение этногенетических концепций о путях формирования и развития отдельных культур. Так, о древней одежде русских, украинцев, белорусов и латышей мы по существу говорим начиная с XIII—XIV вв., в то же время об одежде литовцев и эстонцев — с I тыс. до н. э. (см. гл. 7 и 9). Заметим, что жемайты отличали себя от литовцев еще в начале XX в.

Важной особенностью настоящей работы является широкий комплексный подход, когда одежда рассматривается не только как этнографическая реалья, а тесно увязывается с различными сторонами социальной действительности и духовной жизнью. Работа подводит итог многолетнему изучению древней и средневековой одежды восточноевропейских народов и определяет важные в методологическом отношении принципы для последующих исследований материальной и духовной культуры. Выявленное в ней вариативно-типологическое многообразие народного костюма является существенным вкладом в изучение традиционной культуры и позволяет глубже понять и оценить национальные традиции, закономерности их становления, взаимодействия, развития. Значение работы трудно переоценить. Являясь фундаментальным исследованием, она уже стала настольной книгой этнографов и всех, кто соприкасается с богатым наследием советской многонациональной культуры.

В. С. Титов

¹ Молчанова Л. А. *Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв.* Минск, 1981.

НАРОДЫ СССР

Этносоциальные проблемы города. М., 1986. 285 с.

Приступая к обсуждению настоящей работы, авторы отдают себе отчет в том, насколько непроста задача ее анализа и интерпретации. Монография уже при первом прочтении вызывает столь неординарные впечатления, что возникает искушение отнести ее к разряду этноурбанистической литературы, дающей принципиально новое представление об этносоциальной природе современного города.

Справедливости ради заметим, что в науке накоплен определенный опыт изучения этнических аспектов городских форм жизнедеятельности как с позиций этносоциологии¹, так и в рамках того, что принято называть традиционной этнографией². Впрочем, и сам руководитель авторского коллектива О. И. Шкаратан является социологом-урбанистом. История этнографического и этносоциологического изучения современного города насчитывает немногим более четверти века. И едва ли этот период можно назвать «золотым веком» этноурбанистики. Несмотря на появление интересных исследований и постепенное накопление эмпирического материала, город продолжал и, увы, продолжает оставаться на периферии научного внимания. О том, что тема города еще не заняла в этнографии и этносоциологии подобающего места, свидетельствует не только арифметический подсчет доли работ, посвященных урбанистическим проблемам, хотя и это немаловажный показатель. Существеннее то, что в теории, а соответственно и в эмпирических исследованиях недооценивается роль городов как фактора этнического развития, как неотъемлемой стороны бытия этноса. Так, например, фундаментальный труд «Русские. Историко-этнографический атлас» (М., 1967), который, вероятно, по замыслу призван представлять традиционную культуру русского этноса в середине XIX — начале XX в., описывает только ее крестьянский слой, игнорируя городскую культуру и ее влияние на культуру крестьян.

Отсутствие общей этноурбанистической теории, этнографической школы урбанистики сказывается не только на невнимании со стороны этнографов, специально не занимающихся проблемами города, к факту городского влияния. К сожалению, для большинства работ, посвященных городским сюжетам, характерно осмысление явлений действительности по преимуществу на эмпирическом уровне, без попыток теоретических обобщений. Очевидно, что научное исследование этносоциальных проблем города существенно отстает от темпов и динамики процессов урбанизации современного советского общества. В настоящий момент этнографы едва ли могут утверждать, что они ясно представляют себе закономерности существования и развития городской этносоциальной среды. Изучение различных сторон города, полезное само по себе, еще не дает целостного понимания механизма городской жизнедеятельности как фактора и одновременно как поля этнического развития. Тем более затруднительно на имеющейся ныне основе делать сколько-нибудь долгосрочные прогнозы.

Мы далеки от мысли оценивать все достигнутое этнографами и этносоциологами в области урбанистики только со знаком «минус». Отметим, кстати, что и авторы данной рецензии так или иначе занимались проблемами города. Суть высказанных замечаний — в другом. Для нас несомненно, что современная реальность настоятельно требует преодоления устоявшихся исследовательских стереотипов и образцов. Именно сейчас остро ощущается потребность в выходе на новый уровень осмысления многих, в том числе и этноурбанистических, проблем.

В этом отношении анализируемая книга, несомненно, представляет собой этап в изучении города. Прежде всего обращает на себя внимание стремление органично включить этнические аспекты в качестве составляющего элемента в социолого-урбанистическую теорию среднего уровня. Работа в теоретическом и методологическом отношении хорошо вооружена, терминологически организована. Согласно представлению авторов (разумеется, в конспективном изложении), город